жем-украинцем все звали Тася, из статной красавицы окончательно превратилась в сгорбленную старушку, ее все еще можно было узнать по глазам. В них давно не осталось опасного огня, притушенного царственно спокойной линией бровей, да и брови с годами обернулись реденькими кустиками, а губы потеряли лукавый изгиб. Однако если тетя Тася, опираясь на палочку, выбиралась во двор — благо квартира была на первом этаже – и по причине близорукости истово вглядывалась в каждого встречного, то глаза ее, по-прежнему золотисто-карие, хотя уже с белками в красную сеточку, все еще излучали знакомое сияние. Это сияние да еще пряная армянская мелодия голоса со знакомым: «Здравствуй! Ну как поживаешь?» –

Когда тетя Тагуи, которую вслед за му-

треском ломали целые десятилетия.

И сразу вокруг душистым ковром расстилалась трава, по краям двора кудрявились виноградом две беседки, где можно «постучать» в домино, а между ними — скамейки, чтоб посудачить «за политику» и «за урожай». Для тех же, кого по младости не заботили ни политика, ни урожай, росли здесь крепкие корявые абрикосы и стройные гладкоствольные вишни, за скамейками установлены были песочница и качели-разлетайки. Дальше шли грядки,

над которыми парили разноцветные иголоч-

ки-стрекозы, а толстые трутни простодушно

моментально взрывали всю мою взрослость и с

И оставалось еще много укромных мест для пряток, строительства шалашей, шитья кукольных нарядов и просто — чтобы раскинуть одеяло и поваляться на траве, разглядывая белые, как мороженое, островки в нерушимо голубом небе. А рядом тетя Тася расстилала клеенку и вываливала на нее целый ворох легких серо-коричневых завитков — шерсть из огромного, ежегодно распарываемого и просушиваемого одеяла. Мимолетно улыбаясь нам сверху вниз, она ловко взбивала и переворачивала шерстяные волны легкой пластмассовой лопаткой, и веселые каштановые прядки вокругее лица походили на эти завитки.

давались в руки и щекотно жужжали в кулаке.

ее лица походили на эти завитки.

А в открытую дверь подъезда виднелась дверь ее квартиры, тоже распахнутая, в проеме — коридор и уголок кровати, накрытой зеленым покрывалом необыкновенного блеска и гладкости. И еще много чудесного таилось за этой второй дверью: то выглянет край огромной вазы, желто-коричневой с золотом, а в ней колосья с пушистыми коричневыми верхушками, то вдруг обнаружится на стене громадный красный краб с угрожающими клешнями! Привозил же эти диковины из каких-то таинственных мест дядя Петро, муж тети Таси, старший

инженер с завода «Вымпел».

Надо сказать, в нашем доме вообще жили люди незаурядные: хирург из первой горбольницы, для соседей просто Васильич, или зна-

на утреннюю зарядку... Некоторые из них вели таинственную, окутанную легендами жизнь: например, директриса английской школы, которую можно было видеть лишь несколько секунд рано утром, когда она величаво выплывала из подъезда и усаживалась в голубой «москвич», выведенный ее мужем из гаража кстати, единственного на весь дом. А вот тетя Тася, наоборот, по утрам запросто распахивала свою дверь для проветривания, так что всякий мог наблюдать срез ее квартиры от коридора до балкона и любоваться блестящим, без единой складочки, зеленым покрывалом кровати на

менитый на всю область легкоатлет дядя Дани-

устремившись в училища и институты, в новые компании, в турпоходы и кавээны, дом нашего детства остался где-то на задворках бытия. Весьма вероятно, что женщины там по-прежнему развешивали на веревках белье и солили огурцы, а мужчины ездили на рыбалку. Но мы, хоть и здоровались при встрече, с трудом различали их фигуры со своих космических высот, интересуясь теперь исключительно вопросами устройства вселенной, смысла жизни и секрета

фоне прозрачной белизны гардины.

вечной любви. К тому же подоспели перемены и в окружающем мире. Все вдруг облачились в золотое и малиновое и принялись наперебой «ускоряться» и «перестраиваться», обзавелись визитками

и барсетками, а потом как по команде приоб-

рели игровую приставку «денди». Одновременно нас накрыла лавина иноземных словечек от

«окей» до «баррель», но всех победила пристав-

ка «супер», выбившаяся даже в самостоятель-

ла Кавун, одно время собиравший нас, детвору, гие близорукие в то время прозрели и стали отчетливо различать логотипы проносящихся мимо иномарок, включая гоночные на скорости триста километров в час. Терпкий привкус свободы с оттенком криминала и запретных доселе удовольствий ударил в неокрепшие юные головы, а также в головы вполне зрелые, тронутые сединой, - иногда, впрочем, старательно закрашенной. И, от души хлебнув свободной жизни, посмаковав ее кто сколько мог, мы в конце концов очутились кто где: и хорошо если это «где» располагалось в замученной жизнью хрущевке с кухней шесть метров или в переделанной из гаража съемной «студии»... Ходили, правда, легенды о счастливчиках, оби-Когда же мы забросили прятки и «колечко», тающих в теремах о двух этажах из итальянского белого кирпича; носились даже слухи, что кое-кто с такой скоростью рванул за рубеж, что

> где и поныне питается здоровой пишей и нисколько не скрывает русское происхождение... Родители же, люди тогда вполне еще бодрые, не причиняли особых хлопот и с хозяйством справлялись самостоятельно, по субботам чинно ходили на оптовый рынок, а к празднику, к визиту деток с внуками, справляли стол с холодными и горячими закусками. Находились, конечно, уже и такие, кто безвременно покинул компанию доминошников и приверженцев крючка и спиц. Но оставшиеся в противовес им еще активнее писали стихи, посещали бла-

готворительные концерты и бегали неторопливой трусцой вокруг футбольного поля. Тем временем мы самую малость сбавили темп. Сперва перестали гоняться за маршрутками, тем более что подъезжали они теперь

опомнился не то в Швеции, не то в Австрии,

ное слово: «Ну ты как?» – «Да все супер!» Мно-

чего-то достигать, кому-то доказывать и вообще выкладываться на полную катушку. Тем более что старички наши, даже овдовевшие, все еще держались. Невзирая на то, что грядки, две беседки и скамейка были давно погребены

одна за другой, а такси так и вообще завели

стоянки на каждой остановке. К тому же - вау!

супер! - наши принялись обзаводиться личны-

ми авто, в которые как-то не запрыгнешь с раз-

бега, а будешь аккуратно забираться, стараясь

Потом заметили: нас вдруг стала раздра-

жать громкая музыка. Некоторых сразу, других

минуте на третьей. И началось: «Ой, от твоего

рока уже голова раскалывается!» - «Hy-y-y-y!

А зачем было тогда музыкальный центр поку-

пать?!» И вот вам готовенькая почва для кон-

фликтов отцов и детей, приехали! Это что же

рвением мы принимались куда-то карабкаться,

под гаражами для расплодившихся авто, они

продолжали вешать белье на веревки в уцелевшем клочке двора. И. присев на единственную

сохранившуюся скамейку, с прежним пылом

вели разговоры о хозяйстве и переживали о по-

литике. И дядя Данила Кавун держался все так

же прямо, только ходить стал помедленней и

сменил рыжеватый оттенок волос на серо-пе-

гий. И тетя Тася по утрам так же старательно

расправляла на кровати хотя и местами под-

Ну уж нет, не тут-то было! С утроенным

выходит: первый тайм мы уже отыграли?

не испачкать салон.

штопанное, но все еще не утратившее блеска зеленое покрывало.

К тому времени она осталась одна: дяди Петра не стало, дети давно выросли и жили самостоятельно. Конечно, навещали ее, помогали и, когда понадобилось, организовали срочную

питалась и пусть и с палочкой, но регулярно выходила во двор. А еще — старательно сохраняла каштановый цвет поредевших волос. Была она, видно, из тех несгибаемых натур, что доживали свою жизнь по собственным правилам, не подстраиваясь ни под зятьев, ни под невесток, но и не обременяя никого тотальным контролем. И, встречая ее, мы здоровались с невольным уважением к этой стойкости перед лицом неумолимых перемен.

Впрочем, бывали мы во дворе все реже.

Разве что в миг редкой удачи – допрыгнув.

операцию у лучшего в городе хирурга, воспи-

танника Васильича. Но и сама тетя Тася дер-

жалась молодцом, пила таблетки, правильно

дотянувшись наконец до желанной вершины, поста, звания, телепередачи! — в момент, когда можно было разрешить себе расслабиться, невзначай приходило в голову: не зайти ли в знакомый дворик? Не завернуть ли по пути после работы? Улыбнуться знакомой скамейке. Кусту сирени. Может, даже на минутку погрузиться в ту давнюю беззаботность, теперь уже точно зная: впереди все не так уж и страшно, можно идти без оглядки!

можно идти без оглядки!

Но бывало, наступал момент, когда что-то властно вело сюда — ранним вечером, в весенних сумерках. И представлялось вдруг явственно, словно кадры фильма: папа, совсем еще молодой, в черном пальто и шляпе, возвращается домой. Он еще и понятия не имеет, что будет когда-то именоваться «ветераном войны», что его будут поздравлять сначала пионеры в красных галстуках, а потом школьники с сотовыми телефонами на груди или ремне джинсов.

Он просто идет тихим вечером с работы домой

молодой, сильный и веселый. В окнах горит

тошкой, слышен таинственный шорох ветра. колышущего листву. В полутьме качаются ветви деревьев, весь двор словно колеблется, его очертания смещаются туда-сюда. Но шаг папы тверд, ибо ему известна здесь каждая пядь, от молоденькой елочки точно посередине двора до бело-розовых петуний по краям клумб. Совсем недавно, на субботнике, он вместе со всеми окапывал деревья и устанавливал качели. А сейчас он полнимется по лестнице на второй этаж, где в новой квартире ждут его жена, такая же молодая и красивая, и дети, и теща с ужином, и тесть с газетой. Сейчас он войдет и оживит, и утвердит этот мир, без него не полный и,

свет, откуда-то сладко пахнет жареной кар-

...И вдруг на знакомом повороте ноги сами собой приросли к асфальту.

в сущности, ненастоящий.

шийся с голами?

Никакого двора больше не было. Ни скамейки, ни сирени. Лишь кривой остаток клумбы, заросший чахлой травой, и отощавшая елка, в страхе прильнувшая ветвями ко второму этажу.

Серая полоса, ответвившись от дороги, огибала дом и, пройдясь перед самыми подъездами, выходила с другой стороны. Поток машин пестрым шарфом все туже стягивал его, а дальше стеной подступали гаражи, надвигались какие-то офисы, банки, агентства. И дом, лишенный двора, отступил, сжался, потускнел. Так вот, значит, чем обернулись наши воспоминания! Наши детские забавы, голоса родителей, запах травы! А может, ничего этого и не было никогда? Что если детство – только сон? И вся светлая красота мира – мираж, рассеяв-

Но вель здесь когда-то жили наши славные

старички! Наши бодрые, неунывающие, все умеющие старшие! Чем дышали они, со всех сторон окруженные потоком машин, в свои последние дни? Боялись ли открыть окно? Ре-

шались ли ступить на балкон? О чем думали, вглядываясь слабеющими глазами в щиты с рекламой моторных масел и банковских вкладов? Нет-нет, лучше не задумываться о подробностях. Повернуться и побыстрее зашагать прочь, опустив голову...

Здравствуй! Ну как поживаешь? – вдруг настигает такой знакомый, такой невозможный напев. И, сияя глазами, из подъезда показывается

- ну да, она самая, тетя Тася! Хотя время согнуло ее, но и снизу вверх она умудряется смотреть на тебя снисхолительно и ласково. Знакомые каштановые прядки обрамляют морщинистое лицо, на рукоятке палки покачивается бархатная сумка, а на ней – диковинная вышитая птица. Бисерные птичьи глаза сияют желтыми огнями, оперение переливается сине-фиоле-

полвека. И допытываешься детским голосом: - Ой, тетя Тася, как вы? А, да все нормаль-

но... А вы-то? Как здоровье? Вышли прогуляться?

Потом спохватываешься: что за идиотский вопрос! Какие там уже прогулки – с палкой, в восемьлесят восемь... девять... Постойте, да ей за девяносто?! Да как человек выходить-то ре-

Но нет, она как будто не обижается. Кивает:

шается!

товым. И при виде этой синей птицы ты нако-

нец-то неуверенно улыбаещься и делаешь вдох поглубже. И даже каким-то чудом сбрасываешь

– Иногда гуляю, да! Но далеко ходить труд-

девятку села – полгорода объехала. Как на экскурсии побывала. И какая красота! Какое удовольствие получила! Улицы прямо не узнать! Такие роскошные дома, такие палисадники! А клумбы, фонтаны!

В упоении она качает головой, прикрыв гла-

но, так я на троллейбусе. Вот в прошлый раз на

за. Свободную руку прижимает к груди. Неужто в самом деле ездила? Вот так, невесть куда, смотреть на какие-то клумбы и фонтаны? Одна со своей палочкой карабкалась по ступенькам троллейбуса... Хотя ей наверняка помогали.

И ведь как по-прежнему хорош ее голос!

- Сегодня вот в банк ходила, отправить пе-

ревод. Очень удобно! Раньше, бывало, на почте

очередь пока выстоишь, а теперь пенсию полу-

чила — два шага через двор, и через пять минут

Разве можно не помочь тете Тасе?

все готово! Родным понемножку отправляю... Только это я тебе по секрету, чтоб дети не знали! – спохватывается, улыбается просительно. - Не скажи никому, ладно? Это моей внучатой племяннице, у нее муж без работы. Бедные, так нуждаются! Да ты ее помнишь, в семьдесят девятом году приезжала, звать Ануш. А вы Анечкой звали. Само собой, я не помню никакой Анечки, тем более Ануш. В семьдесят девятом, шутка сказать! Я себя-то в то время с трудом вспоминаю. Да и вообще сомнительно как-то... ста-

рый, больной человек... Может, правда, предупредить детей? Может, у нее кто-то пенсию выдуривает? Сколько таких случаев... Но пока лучше не подавать виду. Отвлечь, поговорить о чем-нибудь постороннем.

- А я все хотела спросить, тетя Тася, что

виду?

дом.

- Королева. Ты не знала? Тагуи - значит королева, - напевает она с горделивой и чуть лукавой улыбкой. И вдруг как будто складываются кусочки

ваше полное имя означает? Тагуи я имею в

мозаики. Королева. Так вот оно что.

Королевские покои: блеск и невиданные чу-

деса. Королевская шедрость: одарить бедных, из-

бавить от нужды. И королевская власть: вернуть нам веру в чудо, в синюю птицу. В то, что юность не исчезла, а просто витает, невидимая, где-то ря-

А еще короли когда-то исцеляли больных,

увечных, слепых. Прикоснутся к человеку – и он начинает видеть мир: новые дома, клумбы, фонтаны. И, как ни глупо, мне вдруг хочется восклик-

нуть: «Благодарю, ваше величество!»

Но я лишь почтительно предлагаю:

- А еще можно в парк съездить. Там теперь

тоже очень неплохо! И она, секунду помедлив и приподняв ре-

денькие брови, величественно кивает.